

О физике-теоретике Андрее Смилге из ИТЭФ мне много рассказывали во Франции мои друзья, осевшие в Париже, – тоже физики, из России, из Дубны. Особенно часто имя Андрея упоминалось в наших беседах, когда мы обсуждали французское образование, знакомое каждому из нас с разных сторон – кто-то из нас учился, кто-то преподавал там.

И тем приятнее было обнаружить в России опубликованное мнение Андрея Смилги о французской системе образования. Я случайно нашла в газете «Троицкий вариант» (ТрВ № 77, 78 от 26.04.2011 г.) интересный рассказ Андрея, основанный на его личном опыте. Выдержки из него наверняка заинтересуют и наших читателей.

Наталия Теряева

«Предмет моей статьи – французское образование. Я знаком с ним не понаслышке. Прежде всего, я сам уже 13 лет преподаю во французском университете. Кроме того, мой сын приехал во Францию в возрасте 9 лет, окончил школу и сейчас заканчивает университет...

Я живу в городе Нант близко от устья Луары на западе страны. Интересный город с богатым историческим прошлым... Во время последней войны город, как и многие другие города севера и запада Франции, подвергся интенсивной американской бомбардировке, разрушившей исторический центр города. Город по российским меркам небольшой – во всей агломерации живет около полумиллиона. Один из лучших, если не лучший во Франции по качеству жизни. Много парков, близко океан...

1. Начальная школа

Я приехал в Нант в сентябре 1998 г. и сразу стал искать квартиру для семейства (они

приезжали в ноябре). Я хотел поселиться близко от хорошей школы, куда ходил бы мой сын, и начал опрашивать «аборигенов», какая школа в Нанте лучшая. В процессе расспросов узнал новую для себя вещь: во Франции существуют две параллельные системы школ – так называемые государственные и «частные», или католические, школы. Государственные школы курирует непосредственно Министерство образования, как в России. Есть также аналоги РОНО, ОблОНО и т.д. Зато «частные» школы – это интересное, специфичное для Франции явление. Я поместил их в кавычки, потому что плата за обучение там достаточно символическая — около 500 евро в год. Это может позволить себе каждый француз. Но далеко не все это хотят. И дело даже не в том, что родителям жалко 500 евро (хотя и это тоже, французы — народ прижимистый!). Просто половина французов – атеисты и не хотят, чтобы их дети учились в религиозной школе! Пожив во Франции, начинаешь понимать, что общество там довольно сильно разделено на социалистическую левую и консервативную правую части, которые не очень сильно смешиваются... Левые (в том числе большинство университетских профессоров) отдают детей в государственные школы, а правые – в школы «католические». Смешная плата за обучение говорит о том, что эти школы тоже на 95% содержатся государством. Программа и учебники в них такие же, как в государственных, – «ОблОНО» их тоже курирует. Разница в том, что желающие ученики католических школ время от времени ходят в школьную церковь. Есть также урок религии – но это что-то типа классного часа. Говорится, в основном, о том, что вести себя надо хорошо. Немного рассказывают о христианстве, но также и о других мировых религиях. Поговорив с разными, «левыми» и «правыми», французами, я усвоил, что католические школы в среднем лучше – учителя обращают больше внимание на учеников, лучше контингент самих учеников (в частности, мультикультурные дети в католические школы не идут). Туда я и решил отдать ребенка. Меня, имевшего всегда хорошие отметки по обществоведению и научному коммунизму, уроки религии смутить не могли!

Мне посоветовали определенную школу, Blanche de Castille, где традиционно училось и учится некоторое количество иностранных детишек, чьи родители работают в Нантской торговой палате. Для детей, не говорящих или плохо говорящих по-французски, там организован специальный урок «французский для иностранцев». Я пошел в школу и разговаривал с директрисой, пожилой дамой в живописном монашеском одеянии. «Вы, наверное, не католик, а православный», – обратилась она ко мне. «Я вообще-то физик», – вынужден был я смущенно пробормотать. Это ей не очень понравилось, но: «Ладно, мы берем всех желающих из нашего микрорайона», – был ответ. Через пару недель я снял квартиру в требуемом микрорайоне и записал ребенка в школу. Его вначале определили по возрасту – в предпоследний класс начальной школы. Но недели через три, когда стало ясно, что он очень быстро, как губка, впитывает французский, а по математике ему равных в школе нет, его перевели в старший начальный класс (так называемый CM2). Мне запомнились учебники истории, по которым их учили. Они содержали интересные рассказы о ранней средневековой французской истории – Карл Великий и всё такое. Вполне хорошие были учебники.

2. Коллеж

Прошла дождливая зима (снег, впрочем, мы тоже видели – в виде утреннего инея на ветровом стекле автомобиля), весна (февраль – апрель), пришел май. На следующий год ребенок должен был идти в среднюю школу (по-французски – college). Кстати, уточню, что всего в школе учатся 12 лет, с 6 до 18, по формуле 5 (начальная школа) + 4 (коллеж) + 3 (лицей). Перед переходом [сына] в коллеж я узнал, что не в нашей, а в другой «католической» школе в Нанте (St. Stanislas) существует специальный класс для умных детишек. Мы бы их назвали «одаренными». Во французском языке есть соответствующее слово (doue), но в данном случае использовалось другое слово (presocse), которое можно перевести, как скороспелый. Я пошел наводить справки, точнее, вначале послал жену. Жена сходила на собрание интересующихся родителей и принесла брошюру. Я раскрыл ее и... обалдел. Начиналась она с фразы: «Прежде всего, мы хотим с негодованием отместить возможные обвинения в элитарности». И дальше: «Мы совершенно не собираемся заниматься таким гнусным делом, как воспитание элиты. Идеалы Республики «Свобода! Равенство! Братство!» для нас священны! А то, что специальный класс... Понимаете, бывают интеллектуально отстающие дети, и никто не удивляется, что приходится создавать для них специальные классы и специальные школы, где обучение проходит по специальной программе и с использованием специальных приемов обучения, чтобы помочь этим детям решить их проблемы. Но у скороспелых детей ведь тоже есть свои проблемы. Главная проблема – это что они очень быстро соображают, быстро усваивают то, чему их хотят научить, и, пока учитель трудится, чтобы впихнуть ту же информацию в головы их обычных одноклассников, скучают на уроке и поэтому теряют к учебе интерес. Наша задача – помочь таким проблемным по-своему детям. Как мы хотим это делать? Ну, во-первых, они все усваивают быстро, и им не надо учиться столько же, сколько их нормальным сверстникам. Половины времени хватит. В освободившиеся часы они могут посещать кружки на разные темы – например, по геральдике или по астрономии. Далее – у таких скороспелых детей обычно плохой почерк. Чтобы бороться с этим, мы в качестве основного иностранного языка изучаем китайский и, значит, китайскую каллиграфию. Наконец, всё обучение проходит в тесном контакте с дипломированными психологами, которые будут постоянно наблюдать вашего ребенка. Такое обучение будет продолжаться все 4 года коллежа. Потом эта программа кончается и наши (ваши) скороспелые дети пойдут в лицей (старшие классы школы) средней, нормальной спелости. Мы надеемся, что наша программа поможет им адаптироваться, так что они смогут дальше учиться без проблем вместе со всеми остальными детьми».

Я прочел всё это и не поверил, что они серьезно. «Быть может, – подумал я, – это просто такой дисклеймер (от англ. disclaimer – отречение, отрицание – ред.), чтобы их не обвинили в элитарности и нарушении священных принципов. А на самом деле детей будут учить хорошо, как полагается учить в хорошей спецшколе». И пошел говорить с директором сам.

Он более или менее всё подтвердил. Да, говорит, именно так – с геральдикой и каллиграфией – мы их и учим. Снова не поверил, и пошел к завучу – ответственному за младший класс средней школы. Когда я с ним говорил, я чувствовал себя отчасти как пациент на приеме у психиатра. И решил: куда угодно, но только не туда! Но чу! Оказалось, что в Нанте был еще один такой класс в третьей уже по счету в этом рассказе «католической» школе (Externat des Enfants Nantais) «И там геральдика, наверное», – подумал я, но на всякий случай пошел говорить с тамошним директором. И правильно сделал. Директор этот говорил совсем по-другому, как разумный человек: «Наша цель – дать воду жаждущим!» То есть дать способным и любознательным детям пищу для ума. И я отдал ребенка учиться в эту школу. Во Франции около 50 подобных классов (из них в Нанте – два). Принимают туда, с нашей точки зрения, по довольно странной процедуре – без экзаменов, но со справкой от психолога. Требуется пройти тест на IQ и набрать больше 130 очков. В общем, должен сказать, что этот класс был, пожалуй, действительно лучшим в Нанте. Не все дети там учились хорошо, но все-таки уровень учеников намного превосходил средний. Учителя тоже были относительно неплохими (по математике, по истории...), хотя можно отметить, как говорят французы, один бемоль. Директор старался направить в этот класс своих лучших учителей, но не всегда мог это сделать из-за протестов родителей детей средней спелости из соседних классов. В итоге, например, хороший историк преподавал в нашем классе два года из четырех. Потом его перевели в среднеспелый класс, а у нас ему на смену пришел весьма средний учитель, приверженец традиционного бурсацкого стиля преподавания.

Последнее требует пояснений. Некогда в средневековых школах (и в русской бурсе тоже) требовалось заучивать наизусть большое количество текстов. Понимать содержание заученного не требовалось. Поэтому для большинства детей учение было неприятной, тяжелой работой, и стимуляция педагогического процесса розгами была производственной необходимостью. Так вот, во Франции значительно в большей степени, чем в России, сохранились следы этого подхода. Не в том, конечно, смысле, что детей порют, а в том, что заучиванию наизусть каких-то фраз, определений и т.д. придается до сих пор большое значение. Даже в математике! Когда мой сын в контрольной написал «последняя цифра» (речь шла о признаке делимости на 2), учительница это перечеркнула и написала поверх «цифра единиц», как было в учебнике. Формальной стороне учебного процесса придают значения все учителя: «Достаньте тетрадки, отчеркните поля, положите линейки справа...»

Учительница математики немного выходила за рамки стандартной школьной программы. В то время проходила парусная гонка Vande Globe, стартовавшая недалеко от Нанта (там участвовал, в частности, наш Конюхов). Каждый ученик выбрал своего любимого яхтсмена, отмечал его продвижение на карте и высчитывал пройденное расстояние. Чтобы найти расстояние между близкими точками на сфере, надо уметь найти

Чему учат на западном океане?

Автор: Встреча

16.03.2012 09:01 - Обновлено 21.03.2012 10:07

диагональ прямоугольного треугольника и учесть тот факт, что длина параллели меньше длины меридиана. Фактически надо понимать, что такое синус (даже не называя его по имени). Не бог весть какой бином, конечно, для 13-летних подростков, но всё же... Безусловно, мой сын, имея умеренно компетентного в математике папу и обладая собственными неплохими способностями, знал намного больше того, чему учили в школе. В этом скороспелом классе – тоже. В итоге его попросту выгнали с уроков. «Сиди в библиотеке, – сказали, – делай, что хочешь, и приходи только на контрольные». Так он «проучился» математике до конца школы.

3. Лицей

Это последние три года школы. Лицеи бывают двух типов: естественнонаучные (в таком учился мой сын) и литературные. Есть также профессиональные лицеи – аналоги наших ПТУ. «Скороспелый» класс по окончании коллежа был расформирован, и у нас был выбор – оставить сына в лицее при той же школе или отдать его в другой, уже государственный, о котором я получил хорошие рекомендации. Мы выбрали второе и, наверное, зря. Школа оказалась так себе. Учитель математики говорил перед контрольной: «Конечно, неплохо было бы, если бы вы помнили наизусть таблицу умножения. Но если кто ее помнит нетвердо, я не буду возражать, если он положит на парту ксерокс и будет туда подсматривать». Очень скоро моего сына выгнали с уроков математики и там...

Чему же учат во французских школах? Про математику я уже немного написал. В принципе, программа включает, как и везде, алгебру, геометрию и в выпускном классе элементы тригонометрии, но всё это на гораздо более низком уровне, чем в России. Можно об этом судить по учебникам. Есть несколько разных учебников по математике и остальным предметам – выбор остается за школой. Я не видел современных русских учебников. От известных мне советских учебников известные мне французские отличаются значительно лучшим качеством полиграфии, цветными красивыми иллюстрациями, крупным шрифтом основных определений и т.д. Однако содержания там [во французских учебниках] намного меньше. Например, большинство фактов геометрии постулируются, но не доказываются как теоремы. Основные формулы тригонометрии, (такие, как синус двойного угла) также приводятся без доказательств. Розог в школе нет, поэтому никто из детей этих формул не помнит (студенты университета, где я преподаю, – тоже...)

Есть два естественнонаучных предмета: физика, объединенная с химией, и Sciences de la vie et de la Terre (наука о жизни и Земле) – в основном, биология. Программа по

Чему учат на западном океане?

Автор: Встреча

16.03.2012 09:01 - Обновлено 21.03.2012 10:07

биологии сравнима с программой российских школ, но по физике и химии ее уровень очень низкий – еще намного ниже, чем по математике.

Учат, конечно, французскому языку. В младших классах учат грамотно писать, а в старших – это урок литературы. Но систематического курса французской литературы попросту нет! Во всех классах вплоть до первого года лицея учитель выбирает сам одну-две книги, которые детям нужно прочитать за год. Не обязательно классику и не обязательно книги французских авторов – они [книги на французском языке] могут быть переводными. Некоторые дети их прочитывают, но большинство – нет. Книги обсуждаются в классе, так что даже не читавшие их дети могут прекрасно писать по ним сочинения. Экзамен по французскому устраивают в конце второго года лицея – на год раньше, чем по остальным предметам. Соответственно, весь этот год на уроках французского детей готовят к выпускному экзамену. Из некоторого программного набора книг учитель выбирает, скажем, всего десять отрывков по десять страниц, которые изучаются целый год. По ним пишутся сочинения, где должны строго соблюдаться определенные правила: план, общий объем, раскрытие темы. Ученик знает, что на экзамене ему попадет один из этих уже изученных, разжеванных учителем отрывков. Понятно, к какому результату приводит такое обучение. Во Франции, как в Греции и как в России, есть всё – в том числе, начитанные люди с широким гуманитарным кругозором. Мало, но есть. Однако, начитались и образовались они не в школе, а вне и помимо нее

Изучают иностранные языки. Конечно, английский. Есть также второй иностранный язык – большей частью, испанский или немецкий. В некоторых школах и классах (так называемые *classes europeennes*) язык учат прилично, на уровне наших языковых спецшкол. В среднем же французы владеют английским языком не очень хорошо – пожалуй, лучше, чем русские, но ненамного. Но хуже, чем в Германии и намного хуже, чем в Голландии.

В большинстве школ основной иностранный язык – английский, но есть школы с другим основным языком: арабским, китайским, в том числе и с русским. В советскую эпоху у левой фрондирующей и антиамерикански настроенной интеллигенции было модно отдавать детей в школы с изучением русского языка. Учат также древние языки – латынь и греческий (в основном, как второй и третий иностранный язык). В гуманитарных лицеях это обязательный предмет.

Наконец, есть предмет «История и география». Систематического курса мировой и даже французской истории в школе, однако, нет. Нет даже хорошо определенной,

Чему учат на западном океане?

Автор: Встреча

16.03.2012 09:01 - Обновлено 21.03.2012 10:07

одинаковой для всех программы. Учитель может рассказывать о разных событиях и эпизодах прошлого более или менее по своему выбору. В частности, тот хороший историк из коллежа моего сына, о котором я упоминал, полгода проходил с детьми историю ислама. Но если спросить любого француза (университетского профессора или кого угодно): «Назовите даты Столетней войны», – ответит один из ста. А «Трех мушкетеров» вообще никто не читал. Мне, по крайней мере, такой человек пока не попадался.

В выпускном классе литературы уже нет, зато есть философия. Ее изучают примерно так же, как литературу в предыдущем классе. То есть труды самих философов не читают, но читают учебник и слушают разъяснения учителя. А потом пишут сочинения по упомянутым строгим правилам...

Андрей Смилга